

Я МНОГО раз видел Олега Табакова на сцене и в кино, но когда пытаюсь представить его, он видится мне издали: подросток в телогрейке и тяжелых сапогах, задумчиво, удивленно глядящий на меня с экрана в фильме «Испытательный срок».

То было начало. Театру «Современник» шел четвертый год, но для его актеров, как и для героев вспоминавшегося фильма, кончался «испытательный срок». Театр в короткое время подарил зрителю столько «звезд», что трудно было кого-либо выделить. Мы, студенты, ходили на спектакль «В поисках радости» — ходили на Табакова. Мы отдали ему свои симпатии, потому что его герой утверждал мысли и чувства нашего поколения. Герою было всего пятьдесят лет, но в исполнении Табакова он был мальчиком и мужчиной, рыцарем и философом...

То было начало... Трудно было тогда представить, каким путем пойдет дальше этот удивительный актер. А Табаков опрокидывал самые смелые представления. Его творческий диапазон без труда принимал героизм и романтику, социальный характер, комедию, фарс, буффонаду... И теперь невозможно сказать, есть ли у него вообще какое-либо амплуа.

— Есть, — смеется Олег Табаков. — У меня нехитрое амплуа — люблю играть на сцене.

После вечернего спектакля мы сидим в его директорском кабинете, и, хотя время к полуночи, он продолжает работать: говорит по телефону, что-то записывает, проглядывает корреспонденцию, дает интервью. В кабинете трое. Кроме нас двоих — народный артист СССР Василий Осипович Топорков — на портрете за стеклом Табаков задумчиво и грустно глядит на своего учителя.

— Василий Осипович уже ушел от нас, но остается самым любимым, — тихо говорит он. — Я попал к нему на курс в училище МХАТа. Помню, не получался отрывок из «Ревизора». Устав от нашей тупости, Топорков вдруг начал читать из «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Это было, как галлюцинация: я видел белые хаты, сады, пчелиные соты, ощущал запах дынь... И я понял, что существует черта, за которой начинается Мастер.

Несколько лет спустя учитель приходил в «Современник» на спектакль «Третье желание».

— Кажется, остался доволен, — вспоминает актер. — А потом в Пражском театре, где я играл с местной труппой Хлестакова, неожиданно пришел за кулисы — кажется, там он был уже совсем доволен...

Говоря об учителях, не забывает и Олега Ефремова.

— Был требователен, суров. Не устраивала легкость, с которой я порой достигал ре-

зультатов. Он видел в этом легкомыслие. Что ж, он был по-своему прав. Ефремов — как своевременная прививка, которая надолго защищает от блефования, актерской прилизанности.

Я невольно вспоминаю роли Табакова в театре. Среди них было немало эпизодических, но как они были верны и ярки. В некоторых спектаклях он с блеском играл сразу по нескольку ролей: трезвого повара и пьяного диспетчера в «Голлом короле» Шварца, лзук мужики и буфетчицу в «Всегда в продаже» Аксенова...

Я давно обратил внимание на одну из самых характерных особенностей Табакова-актера: он всегда неожидан. Поэтому никогда невозможно было предсказать, какую роль он будет играть в новой постановке. Теперь это уже никого не удивляет. Вот почему, как само собой разумеющееся, были приняты публикой и некоторые из таких его совершенно разнохарактерных работ, как адвокат Балалайкин в пьесе Михалкова «Балалайкин и Ки», шофер Анчугин в «Провинциальных анекдотах» Вампилова, Мальволио из «Двенадцатой ночи» Шекспира. Мальволио, на мой взгляд, — одно из лучших созданий Табакова. В его исполнении этот образ приобрел совершенно новые краски, иную психологическую нагрузку. Табаков как бы исследует закономерности судьбы человека, но при этом защищает право любого человека на счастье, каким бы он ни был. И как ни смешон, как ни глуп, как ни самоуверен Мальволио, его искренне, по-человечески жаль. Такое прочтение — в духе философских концепций Табакова-человека.

— В традициях русского комедийного артиста — быть не прокурором, а адвокатом своих героев, — говорит он. — Разве Мальволио виноват в том, что он есть? Вот почему смеяться над человеком и не почувствовать при этом раскаяния — это, право, жестоко.

Олег Табаков таинственно улыбается, и я чувствую, что сейчас он начнет импровизировать.

— Карл Маркс говорил, что человечество, «смеясь, расстаётся со своим прошлым». Мне кажется, что комедия для актера — это еще и возможность самосовершенствования. Встречаясь с комическим либо сатирическим героем, ты что-то дурное отринул, что-то скверное как бы отделил от себя и, таким образом, сам сделался лучше...

— Вероятно, не всякая комедия дает актеру такую возможность...

— Конечно. Поэтому я так люблю Гоголя.

Он говорит о Гоголе. Гоголь с детских лет занимал его воображение, особенно «Ревизор». Это пристрастие в училще разогрел Топорков. Позже пытались ставить «Ревизора» в «Современнике». Так и не сыграли. Однако, Табакову все же повезло. Неожиданно пригласили в Пражский театр на роль Хлестакова.

— Я человек рискованный, — смеется Табаков. — За неделю вошел в спектакль. И, кстати говоря, так разыгрался, что чешский режиссер с ужасом спрашивал: «Ты что, с цепи сорвался?» Так вот, о Гоголе... В нем есть то, что я больше всего люблю: правдоподобие невероятности...

— Наверное, именно поэтому вам был так дорог спектакль «В поисках радости»?

— Именно! — оживает Табаков. — Трудно поверить, чтобы человек схватил саблю и начал рубить на глазах у всех дорогую мебель, как капусту? Но ведь верится! Здесь правда вытекает, говоря гоголевским языком, из «идиотизма реалии». Конечно, Гоголь-то идет гораздо дальше. У него правда вырастает в абсурд, то есть, «идиотизм реалии» доводит правду до абсурда.

— Кого, кроме Хлестакова, вы уже играли у Гоголя?

— На телевидении — Иван Федорович Шпоньку. А мысленно давно уже играю Чичикова. И не только мысленно. Я, пожалуй, бываю им ежедневно.

— Как это так?

— А так, — лукаво улыбается Табаков. — Я, подобно черту, везде и всюду наблюдаю людей. А что такое Чичиков? Ведь это же черт! А что такое черт? Это готовность быть кем угодно и с кем угодно...

Он смеется, но при этом наблюдает меня.

— Да, Гоголь... Кстати, именно в «Мертвых душах» МХАТа мне посчастливилось наблюдать одно из лучших актерских перевоплощений. Я говорю об актрисе Анастасии Зуевой, которая играла Коробочку. Борис Пастернак посвятил ей стихи, где, между прочим, заметил, что Зуева играет не роль, а существо. По-моему, в этом и состоит истинное назначение артиста: играть существо образа!

Мы прощаемся. Наш разговор не окончен, и Табаков обещает мне следующую встречу. Мы будем говорить об Обломове и старике Акиме, Санчо Панса и Ричарде III... Табаков — Ричард III! Что ж, даже в это нельзя не верить...

С. ВАЛОВ.